

Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами

П.Ю. Кошелева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена обмену дарами как важной части дипломатического церемониала и европейской политической культуры первой половины XVII в. В 1623 г. наследник английского престола Карл Стюарт прибыл «инкогнито» в Мадрид, чтобы ускорить заключение матримониального союза с испанской инфантой Марией. Визит «инкогнито» нарушал существовавшую в то время дипломатическую практику и традицию обмена дарами; церемониал приёма для такого случая отсутствовал, что создало проблемы для испанской стороны. Визит Карла Стюарта заставил внести изменения в церемониал и процедуру обмена дарами; впоследствии подобные путешествия монарших особ получили распространение. Главная цель настоящей работы состоит в определении того, какие функции выполнял обмен дарами в ходе переговоров о браке. Изучение церемонии обмена дарами как части церемониала европейских дворов XVII в. способствует выявлению особенностей дипломатии раннего Нового времени.

В процессе исследования были изучены письма короля Якова I и его сына Карла, а также сообщения очевидцев событий с английской и испанской сторон. Автор пришёл к выводу о том, что поездка принца Карла «инкогнито» изменила традиционную процедуру обмена дарами: обмен имел место уже перед самым отъездом принца и был инициирован испанской стороной. Тем не менее ритуал не утратил своего символизма и значимости в ходе переговоров, так как дары использовались как средство коммуникации, индикатор влияния государств и способ их самопрезентации.

Ключевые слова: Яков I; принц Карл; герцог Бекингем; Филипп IV; инфанта Мария; граф Гондомар; граф Оливарес; «испанский брак»; путешествие «инкогнито»; обмен официальными дарами; церемониал; испанский двор

Данная работа представляет собой подробную реконструкцию поездки английского принца Карла в Мадрид с акцентом на изучение традиции обмена дарами в ходе дипломатических переговоров о браке с испанской инфантой Марией.

Перед нами неординарная ситуация: в марте 1623 г. Карл прибыл в Мадрид «инкогнито», не имея при себе подобающей свиты и дипломатических даров. Если бы стороны готовили визит заранее, то церемониал приёма был бы подробно разработан и тщательно согласован. Путешествие «инкогнито» повлияло на дипломатический церемониал, в том числе и на процедуру обмена дарами. Автор не ставил перед собой цели исследовать все изменения испанского придворного церемониала в результате поездки Карла «инкогнито».

К изучению дипломатического церемониала историки обратились ещё в конце XIX в. (Reumont 1867; Bashet 1862; Maulde-la-Claviere 1892–1893), что нашло отражение в обобщающих работах по истории дипломатии, опубликованных в середине XX в. (Mattingly 1955; Hill 1925; Cuttino 1940; Заллет 1956). Позднее исследователи больше внимания уделяли изучению собственно дипломатического церемониала, протокола обмена дарами, их функций и места в международных отношениях раннего Нового времени (Queller 1967; Lee 1967; Буд, Carpe 1974; Roosen 1980; Anderson 1993). Много трудов посвящено испанскому придворному церемониалу (Hume 1907; Rodríguez Villa 1913; Valgoma y Díaz-Varela 1958; Domínguez Ortiz 1960; Elliott 1963, 1987; *The courts of Europe...* 1977; Hofmann 1985; Barrios 1988; Nader 1988; *La vida española...* 1990; Rodríguez-Salgado 1991; Boyden 1995; Redworth, Checa 1999; Arroyo 2014; Goodwin 2015) как одному из самых тщательно разработанных, что, в частности, нашло отражение в Регламенте 1717 г. (Barrios 1988).

Тема обмена дарами изучалась этнологами (Мосс 2011) и медиевистами (Гуревич 1984) в широком теоретическом контексте, как не только экономическое, но и универсальное явление, охватывающее различные аспекты социального взаимодействия и культуры. Под влиянием этих исследований историки стали уделять всё больше внимания семантике и значению обмена дарами в политической сфере в рамках дипломатического церемониала (Jansson 2005; Bischoff 2009; Домнина 2020). Всестороннее осмысление функций дара в дипломатии предлагает коллективный труд отечественных историков «На языке даров: правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг.». На примере различных исторических ситуаций в работе показана полисемантичность дара: он может быть средством коммуникации или достижения желаемых результатов на переговорах, способом оплаты услуг, выражением могущества и власти, инструментом передачи информации, индикатором влиятельности, демонстрацией взаимного признания, воплощением сущности дарителя и способом самопрезентации. В каждой конкретной ситуации и в каждой эпохе символический смысл дара можно трактовать по-разному.

В работах, посвящённых «испанскому браку» (Cogswell 1989; Pursell 2002; Redworth 2003), тема обмена дарами не получила достаточного освещения. В связи с этим возникает ряд исследовательских вопросов: чем обмен дарами служил в ходе переговоров об этом браке? Изменился ли церемониал обмена ввиду поездки принца «инкогнито»? Для начала стоит выяснить, о каком «испанском браке» идёт речь, и почему принц отправился в Мадрид «инкогнито».

Проект «испанского брака»: мистер Смит в Мадриде

Английский король Яков I в 1604 г. подписал мирный договор с Испанией, тем самым закончив англо-испанскую войну. Тогда же испанцы предложили королю закрепить добрые отношения посредством брачного союза наследников – принца Карла и инфанты Марии. Проводником этой идеи был испанский посол при английском дворе граф Гондомар, полагавший, что такой союз создаст для испанской стороны возможность оказывать влияние на английскую политику в религиозном вопросе. Яков был готов обсуждать это предложение, так как считал, что матримониальная стратегия может стать ключом к миру между католиками и протестантами. Однако переговоры затянулись; обе стороны не до конца доверяли друг другу, в английском общественном мнении было распространено представление, будто Гондомар манипулирует Яковом.

Начавшаяся в 1618 г. Тридцатилетняя война заставила стороны реанимировать брачный проект в новых политических условиях. Англия и Испания оказались втянуты в конфликт вокруг Богемии, управлять которой чешские протестанты предложили зятю Якова I, Фридриху Пфальцскому. Австрийские Габсбурги ожидали помощи в возвращении Богемии от своих испанских родственников, а Фридрих Пфальцкий, в свою очередь, надеялся на поддержку английского короля. Но Яков не торопился вступать в войну с Габсбургами, будучи разочарован тем, что Фридрих принял чешскую корону без его ведома. В скором времени императору Фердинанду II удалось вернуть Чехию, а Фридрих и его супруга Елизавета, старшая дочь Якова, были лишены не только короны Богемии, но и наследных земель Пфальца. В данной ситуации английский король уже не мог оставаться в стороне и вновь обратился к перспективе заключения «испанского брака», благодаря которому можно было бы заручиться помощью испанских Габсбургов для возвращения земель Фридриху.

Главной целью Испании на данном этапе было предотвратить вовлечение Англии в борьбу на стороне антигабсбургских сил, отвлечь внимание англичан и не дать им сблизиться с Францией. Испанцы хотели сохранить нейтралитет Англии в ходе Тридцатилетней войны, а также надеялись улучшить положение английских католиков. Переговоры о браке были способом поддержания баланса сил на международной арене. В связи с этим испанцы выражали свою заин-

тересованность в браке инфанты с английским принцем, однако из-за противоречий при выработке условий договора и необходимости получения согласия Папы Римского переговоры откладывались.

В 1623 г. принц Карл в сопровождении герцога Бекингема¹ решился на личный визит в Мадрид «инкогнито» с целью ускорить процесс переговоров. Яков не сразу одобрил этот план, однако твёрдое желание принца помочь сестре Елизавете и куртуазное намерение добиться руки «прекрасной дамы» оказались сильнее опасений короля. Получив разрешение на поездку, Карл и Бекингем не стали медлить. Их сопровождали секретарь принца и бывший английский посол в Испании Френсис Коттингтон, а также переводчик и секретарь принца, который вырос в Испании – Эндимион Портер. В понедельник 17 февраля 1623 г. они отправились в Дувр, чтобы подготовить корабль к переправе через Ла-Манш. Сам принц в тот день находился вместе с герцогом в доме последнего в Ньюхолле, а на следующий день они оба отправились в Дувр. Они замаскировались: надели накладные бороды и представлялись везде как Джек и Том Смиты. На переправе через Темзу в Грейвсенд паромщик решил, что господа направляются за границу, чтобы устроить дуэль, и доложил властям Рочестера о подозрительных личностях. В Кентербери Бекингема пришлось снять бороду и признаться, кто он на самом деле, дабы избежать ареста (Brotton 2006: 86). Бекингем заявил, что, будучи лордом-адмиралом, он направлялся в Дувр для внеплановой проверки состояния флота. К вечеру следующего дня принц и герцог достигли Дувра. Там они встретились с Портером и Коттингтоном, а также с двумя представителями свиты принца – шотландцем Кирком и джентльменом королевской опочивальни Джеймсом Левистоном (Redworth 2003: 78). Все они пересекли Ла-Манш и добрались до Франции.

Переписка между королём Яковом и принцем Карлом (один из наших основных и весьма информативных источников) завязалась в скором времени после начала путешествия. Первое письмо Якова датируется 19 февраля 1623 г., когда принц и герцог были на пути к Парижу. Ответа Якову пришлось ждать несколько дней, первое письмо Карла королю датировано 22 февраля 1623 г., когда делегация уже находилась в Париже.

Благодаря путешествию «инкогнито» Карл и его сопровождающие быстро оказались в Испании, проехав через Францию практически без задержек. Известно, что Яков отправил с письмом своего фаворита Джеймса Хэя, виконта Донкастера², чтобы проинформировать Людовика XIII о приезде принца. От-

¹ По укоренившейся традиции в рамках истории об «испанском браке» мы будем называть Джорджа Вильерса герцогом Бекингемом, хотя герцогский титул он получил 18 мая 1623 г., уже находясь в Испании. До того он носил титул маркиза.

² Джеймс Хэй в 1604 г. бывал во Франции по приказу короля Якова. Будучи фаворитом короля, он стал бароном и получал постоянные вознаграждения. В феврале 1619 г. Джеймс Хэй получил титул виконта Донкастера. В том же году он был направлен с миссией в Германию, где с началом Тридцатилетней войны стал поддерживать Фридриха Пфальцского и призывал короля Якова встать на его сторону. В 1621 и 1622 гг. виконт Донкастер был отправлен

казавшись от внешних атрибутов члена королевской семьи, Карл в качестве частного лица получил большую свободу действий. Путешествие «инкогнито» во многом ускоряло передвижения и давало возможность для неформального общения с высшими государственными лицами других стран. Вместо того, чтобы ждать аудиенции короля Франции неопределённое время, Карл за два дня успел увидеться с Людовиком XIII. Принц писал своему отцу, что, оказавшись на французской земле, он и его спутники проследовали через Монтрёй и Булонь к Парижу и в тот же день встретились с королём Франции. «Мы направились к управляющему королевского двора, господину дю Про, который тайно провёл нас к нему»³, – рассказывал Карл о первой встрече с Людовиком XIII. В том же письме о планах относительно поездки говорилось: «Завтра, в воскресенье, мы, по воле Господа, поднимемся очень рано и в этот же день достигнем Орлеана, а затем будем держать путь к Мадриду»⁴. 23 февраля делегация покинула Францию и за тринадцать дней добралась из Парижа в столицу Испании.

Принц Карл и герцог Бекингем прибыли в Мадрид вечером 7 марта, в пятницу. Первым делом они отправились в дом английского посла в Испании Джона Дигби, графа Бристоля. По всей видимости, посол не знал о планах принца и был «несколько поражён этим событием»⁵. Следовало хорошо подумать над тем, как преподнести приезд принца Уэльского в Мадрид самому консервативному и церемонному испанскому двору. Сначала было решено сообщить только о приезде Бекингема. «Гондомар, узнав о приезде Бекингема, сообщил графу Оливаресу, а тот – королю. Оливарес собирался отправиться прямо к Бекинге-му [то есть в дом графа Бристоля], но тот был категорически против, так как всё ещё хотел скрыть принца. Было назначено другое место встречи – днём в парке»⁶. По мнению Глена Редворта, граф Гондомар сразу понял, что Бекингем прибыл с принцем, так как когда-то лично уговаривал Карла и взял с него обещание приехать в Мадрид (Redworth 2003: 82). Когда Гондомар поздно вечером поспешил к Оливаресу, фаворит Филиппа IV спросил: «Что привело вас в столь поздний час? Вы выглядите так, словно король Англии приехал в Мадрид». На что Гондомар ответил, что приехал «всего лишь» принц (Akrigg 1967: 347). Оливарес постарался организовать встречу с Бекингом как можно скорее. 8 марта около 4 часов дня герцог и граф Оливарес встретились и приблизительно час беседовали в карете. Поскольку испанский король не знал о приезде Карла, к нему на аудиенцию в тот же день был приглашён только герцог Бекингем. Для чего

во Францию, чтобы убедить Людовика XIII предоставить защиту гугенотам, но потерпел неудачу. В сентябре 1622 г. Хэй стал графом Карлайлом, а в 1623 г. направился в Париж по случаю поездки принца Карла в Мадрид. В 1624 г. вместе с Генри Ричем, лордом Холландом, вёл переговоры о браке принца Карла с Генриеттой Марией, а позднее стал джентльменом опочивальни короля Карла I.

³ *The letters, speeches and proclamations of king Charles I.* 1968. L.: Cassell. P. 8.

⁴ Ibid.

⁵ *A collection of scarce and valuable tracts.* 1809. Vol. 2. London. P. 524.

⁶ Ibid. P. 526.

нужно было скрывать приезд принца от короля и его приближённых? По всей видимости, Бекингом считал, что должен сам сообщить испанскому двору о прибытии Карла, тем более что подобные тайные визиты наследников других государств не были распространены и могли рассматриваться как нарушение протокола. Вероятно, таким образом принца пытались обезопасить от возможной негативной реакции испанского короля. На аудиенции Бекингом сообщил королю о приезде принца Уэльского. Филипп IV официально отправил Оливаса к принцу выразить радость по поводу его прибытия.

Подготовка к церемонии обмена дарами

Направляясь в Мадрид «инкогнито», Карл надеялся на тайную встречу с испанским королём, которая ускорила бы выработку брачного договора. Однако строгий испанский двор не был готов к такого рода упрощению церемониала. При том, что стороны организовали несколько тайных встреч Карла и Филиппа IV в парках и каретах, испанский король возражал против умаления значимости пребывания английского принца и настаивал на торжественном въезде принца в Мадрид с соблюдением дипломатического церемониала. Десять дней принц жил в доме графа Бристоль и готовился к официальной церемонии. Разумеется, процедура вступления в город должна была включать в себя обмен дарами, к которому принц и герцог не были готовы ввиду прибытия «инкогнито». Они не могли привезти с собой достаточного количества драгоценностей и других традиционных подарков, так как путешествовали без большой свиты и без охраны. Ввиду тайного путешествия король Яков не мог вручить Карлу и Бекингу даже охранные грамоты. Тем не менее английский король был быстро проинформирован о необходимости официального появления принца и герцога при дворе, поэтому уже в письме от 17 марта писал Карлу о дарах, которые он направляет в Испанию. Ранее, в письме от 19 февраля, Яков сообщал о плане направить в Мадрид молодых аристократов в качестве свиты принца. В Испанию отправились Джеймс Хей, виконт Донкастер, ставший 13 сентября 1622 г. графом Карлайлом, Томас Говард, виконт Андовер, Генри Кэри, виконт Рочфорд, лорд Комптон, наследник графа Нортемптона, лорд Перси, наследник графа Нортумберленда и другие знатные персоны⁷.

Яков приложил усилия для демонстрации испанскому двору не только статуса «своих мальчиков», Карла и Бекинга, но также и приверженности англичан духу рыцарства и куртуазности. Помимо свиты, король направил в Мадрид парадные облачения и атрибуты Ордена Подвязки, чтобы в день Святого Георгия, 23 апреля, принц и герцог предстали при дворе как кавалеры самого престижного английского ордена.

⁷ *Letters of King James VI and I*. Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. 1984. Berkley etc.: Univ. of California press. P. 389.

Кроме мантий Яков отправил ювелирные украшения, которые должны были придать принцу и герцогу облик, соответствующий их статусу в Англии. В письме от 17 марта 1623 г. Яков писал: «...я выбрал ювелирные изделия, которые отправляю вам. Часть из них моему мальчику стоит подарить его госпоже, другую же часть, из самых лучших, ему следует надеть самому, а также некоторые из лучших одолжить моему второму сыну [Бекингеми]»⁸. Из личной коллекции Карла король переслал принцу «круглую брошь из бриллиантов и треугольный бриллиант с большой круглой жемчужиной»⁹. Кроме того, камзол принца надлежало украсить бриллиантовыми пуговицами. Из собственной сокровищницы Яков отправил принцу два знаменитых исторических украшения: подвеску «Три брата» и бриллиант «Зерцало Франции».

«Три брата» – это ювелирное украшение, созданное в XIV в. парижским ювелиром Жерменом Руисселем. Подвеска состояла из трёх прямоугольных рубинов по 70 карат каждый, образовывавших треугольник. Каждый рубин обрамляли жемчужины по 18-20 карат. В центре треугольника располагался тёмно-синий бриллиант весом 30 карат, имевший форму пирамиды или октаэдра (Evans 1953: 76). Эта подвеска долгое время была частью драгоценностей бургундской короны. После разгрома бургундцев швейцарскими войсками при Грансоне 2 марта 1476 г. вместе с другими драгоценностями подвеска перешла в руки магистратов Базеля (Strong 1966: 350). В 1504 г. её выкупил немецкий банкир Якоб Фуггер. Вскоре началась сделка по продаже украшения английскому королю Генриху VIII. Официально «Три брата» были проданы после смерти Генриха его сыну Эдуарду VI в мае 1551 г. и стали частью драгоценностей короны Англии. Впоследствии украшение часто носила королева Елизавета, она изображена с ним на Портрете с горностаем Уильяма Сегара. Яков I тоже изображён на некоторых портретах с этой подвеской, он предпочитал носить её в качестве украшения для шляпы. В 1606 г. «Три брата» были внесены в реестр неотчуждаемых драгоценностей английской короны. К отправке принцу в Испанию подвеска была обновлена, так как перед испанским двором наследник английского престола должен был предстать во всём великолепии. Королевский ювелир Джордж Хериот четверо суток трудился над выбранными для поездки украшениями. На тот момент подвеска оценивалась в семь тысяч фунтов стерлингов.

Король отправил сыну бриллиант «Зерцало Франции», «собрат португальского бриллианта»¹⁰, советуя «носить на шляпе с маленьким чёрным пером»¹¹.

⁸ Ibid. P. 394.

⁹ Ibid. P. 398.

¹⁰ Имеется в виду бриллиант «Зерцало Португалии», который также был отправлен Карлу в Испанию, как это отмечается в работах, посвящённых знаменитым бриллиантам. Известно, что бриллиант «Зерцало Португалии» принадлежал дону Антонию, который провозгласил себя королём Португалии после пресечения Ависской династии. Филипп II испанский, претендовавший на корону Португалии, начал войну с доном Антонио, в которой последний проиграл и бежал в Англию в надежде на помощь королевы Елизаветы. Дон Антонио бежал с драгоценностями,

Этот бриллиант можно увидеть на одном из самых ранних портретов королевы Елизаветы, который датируется 1558 г. и принадлежит кисти неизвестного художника. Крупный драгоценный камень на груди королевы, приковывающий взгляд зрителя, и есть «Зерцало Франции»; бриллиант достался Елизавете от отца.

Направив Карлу государственные сокровища, Яков демонстрировал историческое величие своего государства, его богатство и авторитет. Принц выглядел подобающе своему статусу и церемониалу испанского двора.

Король не оставил без внимания и своего фаворита герцога Бекингема, отправив ему чистый огранённый бриллиант и жемчужину в форме капли, которую полагалось носить на шляпе или как пожелает сам герцог. Сверх того, из коллекции самого Бекингема король отправил три бриллианта, привезённые из Турции английским послом в Константинополе Полом Пиндаром.

Яков подробно описывал украшения и предметы, предназначенные в подарок инфанте от имени принца. Приверженность христианской вере, а также, вероятно, своё доброжелательное отношение к католицизму Яков демонстрировал, отправляя в марте 1623 г. двойной Лотарингский крест (крест с двумя поперечинами), «не столько дорогой, сколько старинный». Со времен Людовика I, герцога Анжуйского (1339–1384), этот крест, геральдический символ Лотарингии, ассоциировался с реликвиями Истинного Креста. Рене Анжуйский сделал шестиконечный крест личной эмблемой, а его внук, Рене II Лотарингский, в битве при Нанси против бургундского герцога Карла Смелого противопоставил Лотарингский крест Андреевскому. Интересным подарком для инфанты представляется зеркальце с изображением короля Якова; такого рода миниатюрные портреты считались выражением личной дружбы. С XVI в. портреты в виде миниатюр стали популярным свадебным подарком, представляя жениха в стране невесты (Bischoff 2009: 137). Но инфанта получила зеркало с изображением не принца, а короля. Возможно, таким способом Яков I хотел показать свои дружественные намерения, уверить инфанту, что желает видеть её при своём в дворе. Этот дар носил неофициальный характер и был единственным подарком для инфанты именно от лица короля.

среди которых было и «Зерцало Португалии». Королева Елизавета оказала ему помощь – отправила флот к Лиссабону в 1589 г., однако экспедиция не удалась. Королева, посчитав, что сделала достаточно, забрала португальские украшения в качестве платы за услугу. Так «Зерцало Португалии» перешло к английской короне. Считается, что, выбирая драгоценности для отправки принцу Карлу в Мадрид, Яков I направил в Испанию и это украшение. Бриллиант был вставлен в оправу с крупной жемчужиной в виде кулона. Однако эта драгоценность не была подарена кому-либо при испанском дворе. Более того, позднее им владела Генриетта Мария, французская принцесса, ставшая женой короля Карла. Во время английской революции Генриетта Мария продала бриллиант герцогу Эпернону, а тот – кардиналу Мазарини. Бриллиант «Зерцало Португалии» пополнил коллекцию кардинала и стал именоваться «Мазарини №3». Кардинал завещал бриллиант французской короне. К тому времени он весил 25 и 3/8 карата и оценивался в 150 000 ливров. В наших источниках среди даров или личных украшений принца не упоминается бриллиант «Зерцало Португалии». Тем не менее сравнение с ним говорит об известности этого украшения и его принадлежности английской короне в начале XVII в.

¹¹ *Letters of King James VI...* 1984. P. 398.

Лично от себя Карл мог преподнести два больших бриллианта, бриллиантовую подвеску, нить жемчуга, ожерелье из тринадцати великолепных рубинов-бале, привезённых из персидской провинции Бадахшан, а также головной убор с двадцатью двумя крупными каплевидными жемчужинами. «Ты должен подарить ей три замечательных грушевидных бриллианта в виде подвесок, самую большую из них ей следует носить для украшения причёски, а остальные две – как серёжки для ушей»¹², – указывал Яков в своём письме. Важно заметить, что король не упоминал о дарах Филиппу IV, королеве и придворным, акцентируя внимание на украшениях для инфанты, так как именно ради встречи с Марией и завоевания её сердца Карл отправился в Испанию. Подразумевалось, что у принца будет возможность личного общения с инфантой, во время которого уместны знаки внимания как средство самопрезентации принца и знак того, что он ожидает благосклонности инфанты. В письме король давал принцу совет: «не преподносите все украшения сразу, лучше дарите их в разное время. А лучше всего – самые редкие и дорогие оставьте напоследок»¹³. Действительно, принц прислушался к совету отца и вручил самые дорогие подарки при отъезде.

В письмах Яков сообщал о намерении отправить корабли с другими украшениями и подарками для того, чтобы оградить принца и герцога от неприятных ситуаций. 17 марта английский король ещё не мог знать о безусловном требовании испанского двора принять принца Карла официально. Тем не менее, будучи опытным политиком, Яков предполагал, что в какой-то степени придётся соблюсти дипломатический церемониал ввиду возможного желания Филиппа IV принять принца официально. Поскольку в знак уважения и благодарности по окончании визита было принято подносить прощальные дары, английский монарх отправил в Испанию целый «флот»¹⁴, то есть остальные дары были отправлены позже на нескольких кораблях. В марте вдогонку принцу и герцогу Яков направил корабль со свитой и драгоценностями для Карла, Бекингема и инфанты, а позднее – корабли с дарами королю Испании и его приближённым. Украшения для принца и герцога, а также дары для инфанты прибыли в порт Сантандер на корабле «Искатель приключений» 3 апреля 1623 г. (Redworth 2003: 95). Дж. Аккригг оценивал эти украшения в колоссальную сумму 80 тысяч фунтов (Akrigg 1967: 349). Из Англии драгоценности было поручено перевозить лорду Комптону. Все дары достигли Мадрида, чего нельзя сказать об отправленной Яковом свите. Принц Карл попросил вернуться в Англию большинство прибывших аристократов, так как не имел возможности разместить их всех в предоставленных ему покоях. Не ожидая большой свиты, испанцы отвели для принца несколько комнат, в которых он мог чувствовать себя комфортно, тем более что ему во всём помогали слуги короля Филиппа.

¹² Ibid. P. 397.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 399.

Торжество церемониала

Торжественный въезд принца в Мадрид был назначен на 16 марта 1623 г., спустя десять дней после приезда Карла в Испанию. Свои действия и впечатления Карл подробно описал в письме отцу от 17 марта. Кроме того, церемония подробно описана в трактате «Правдивое сообщение и дневник прибытия, великолепного приёма, данного королём Испании при его дворе в Мадриде, могущественному принцу Карлу, принцу Великобритании»¹⁵ неизвестного автора из коллекции, собранной и опубликованной лордом Сомерсом. Этому сюжету в своих письмах уделил внимание один из английских агентов в Испании – Джеймс Хоуэлл¹⁶. Благодаря этим источникам мы можем восстановить события торжественного въезда принца в Мадрид.

Сначала Карл отправился в монастырь Святого Иеронима, так как именно оттуда короли Испании начинали свою торжественную процессию к Мадриду. Отобедав там, принц до четырёх часов принимал приветствовавших его советников короля Испании. Затем прибыл Филипп IV и со всей торжественностью сделал запись в монастырской книге «так же, как тогда, когда короли Кастилии коронуются»¹⁷. После они вместе отправились в Мадрид, Карл ехал по правую руку Филиппа. За ними следовали герцог Бекингем и граф Оливарес. Все улицы были роскошно украшены, на них выступали лучшие танцоры и музыканты. В Мадриде царила атмосфера настоящего праздника, три ночи подряд в честь принца запускали праздничные салюты. Было освобождено более 350 заключённых. Началась череда визитов к принцу.

Таким образом, вернувшись к традиционному церемониалу, испанская сторона обрела контроль над ситуацией и публично продемонстрировала (пусть и чисто внешне) своё расположение к гостям и готовность к переговорам о браке.

Можно заметить, что официальное появление Карла в столице полностью соответствовало средневековой церемонии торжественного вступления государя в город, которая в исторической литературе часто уподобляется *adventus domini* (Пришествие Господне) (Бойцов 2009). Город, в данном случае Мадрид, воспринимался как невеста, а входящий в него Карл собственно и был женихом, хотя и не для всех подданных испанской короны, но лишь для инфанты Марии. Так как она приходилась королю родной сестрой и олицетворяла Испанию, принцу была оказана честь вступления в Мадрид согласно церемонии испанских королей, отсылавшей к идее священного брака с городом.

¹⁵ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid. 1809. *A collection of scarce and valuable tracts*. Vol. 2. London. P. 524–531.

¹⁶ Howell J. 1892. *Epistolae Ho-Eliae: The Familiar Letters of James Howell*. Vol. 1.

¹⁷ *The letters, speeches...* 1968. P. 13.

Теперь Карл был официально принят при дворе короля Филиппа IV. Однако в связи с тем, что подобный прецедент был одним из первых в истории, церемониал приёма принца не был детально разработан. Традиционно дипломатический церемониал имел чёткий регламент и соблюдался достаточно строго: после прибытия в другое государство и встречи в порту или в городе, посол ждал аудиенции короля в выделенном для пребывания дипломата доме. В день аудиенции торжественное шествие отправлялось ко дворцу вместе со всеми привезёнными дарами. Обычно подарки королю и королеве преподносились на первой аудиенции у короля (Garcia Sierra 1994; Домнина 2011; Эхеа Фернандес 2015: 205-209; Российские дипломаты в Испании 2016)¹⁸, а посол получал памятные богатые дары уже при отъезде. В сложившихся обстоятельствах принца принимали как особу королевского достоинства, а не как посла, поэтому скорее всего многие дипломатические церемонии были видоизменены. Например, мы не находим свидетельств того, что во время первого приёма принца во дворце прошла традиционная церемония обмена дарами. Нам известно, что после прибытия во дворец король Филипп IV и его братья дон Карлос и дон Фернандо препроводили принца в выделенные для него покои и оставили отдыхать. В скором времени прибыл главный майордом королевы – граф Бенавенте и преподнёс от её имени подарки для Карла. Среди них были: большая золотая чаша (предположительно для умывания), искусно вышитая ночная рубашка, «два огромных сундука, окованных полосами из чистого золота, украшенные золотыми гвоздями»¹⁹, замки и ключи для этих сундуков были тоже золотые. Покрывтия и подкладки сундуков, наполненных утонченным бельём и духами, были изготовлены из кожи янтарного цвета. Помимо того, принцу подарили богато украшенный письменный стол, каждый ящик которого был полон редкостей. Как мы можем понять, эти знаки внимания королевы считались неофициальными и не были частью церемонии обмена дарами. Чаша для умывания, ночные рубашки, сундуки с предметами туалета, письменный стол – всё это было необходимо и даже обязательно для комфортной жизни Карла в его новых покоях. На подобные дары вряд ли предполагались ответные знаки внимания, так как они входили в обустройство комнат принца.

Ход переговоров

Изначально задуманная как быстрое путешествие «инкогнито», поездка затянулась на семь месяцев в ожидании разрешения на брак от папы римского. Кроме того, долго не удавалось выработать условия, которые бы удовлетворяли

¹⁸ Посольство П.И. Потёмкина в Испанию в 1667 – 1668 гг.: документы и материалы. 2018. Составители В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. Москва: Индрик.

¹⁹ *A collection of scarce and valuable tracts...* 1809. P. 530.

обе стороны. Испанцы настаивали на переходе Карла в католичество, что было недопустимо для будущего короля Англии. Едва ли испанцы всерьёз рассчитывали, что принц станет католиком, скорее таким способом они старались затянуть переговоры. К тому времени они уже мало стремились к заключению союза с английским принцем и ожидали, что Папа не даст разрешения на брак. Они требовали также сохранения католического вероисповедания инфанты и её будущих детей. Англичане в свою очередь выставляли испанской короне требование вмешаться в дела Фридриха Пфальцского – Яков желал возвращения Пфальца Фридриху с тем, чтобы его дочь и внуки не потеряли своих наследных прав. Однако испанцы не торопились вступить за Фридриха. Ввиду отказа Карла принять католичество и в связи с успехами Габсбургов в ходе Тридцатилетней войны, он был уже не таким желанным женихом. Филипп IV стал задумываться о более удачной партии для своей младшей сестры – браке с императором Священной Римской империи Фердинандом III, что было бы традиционным для Габсбургов союзом. Тем не менее просто отказать английскому принцу Филипп IV не мог, поэтому и надеялся на отказ папы римского. Однако Григорий XV дал разрешение на брак, так как понимал, что отказ вызовет гнев Якова I и негативно отразится на положении католиков в Англии. Более того, брак с инфантой-католичкой открывал возможность для усиления католичества и расширения влияния папы в Англии.

По требованию папы король Испании должен был гарантировать, что Яков I выполнит условия брачного договора и пойдёт на уступки, касающиеся католиков. В итоге Филипп IV собрал хунту²⁰ испанских богословов, которые посоветовали назначить помолвку, а заключение брачного договора отложить на год при условии, что за это время английские католики получают все предусмотренные договором привилегии (Akriegg 1967: 352). Филипп IV, следуя этому совету, был готов дать клятву папе в том, что испанский король выступит гарантом заключения брака, если англичане согласятся на выставленные условия.

Весть о задержке брака на год не могла обрадовать принца Карла. Вместе с Бекингемом он пытался добиться, чтобы хунта изменила решение. Тем временем Яков активно настаивал на возвращении Карла и Бекингема, но они, не желая остаться с пустыми руками, продолжали переговоры и уверили Якова, что вернутся не позже чем через месяц. В конце концов принц, имея полномочия выступать от лица Якова I, согласился на все условия. Инфанте было разрешено исповедовать католичество, иметь епископа, часовню и церковь, открытую для доступа английских католиков. За ней также оставалось право воспитывать будущих детей в католической вере. Антикатолическое законодательство

²⁰ В эпоху «младших Габсбургов» была распространена практика собрания небольших хунт из доверенных лиц для решения текущих проблем государства. В данном случае была собрана хунта богословов, так как обсуждался вопрос о браке между протестантом и католичкой.

в Англии должно было быть отменено, а терпимость к частным католическим обрядам должна быть закреплена в парламентском законодательстве. После подобных уступок со стороны англичан испанцы не могли отказаться от брачного договора. Казалось, что брак всё-таки будет заключён.

Процедура обмена дарами

Несмотря на противоречивые настроения в Испании, принцу был оказан приём на высоком уровне. Перед отъездом состоялось официальное прощание с Карлом, и именно тогда произошла главная церемония обмена дарами между английской и испанской сторонами. Король от своего лица подарил принцу восемнадцать испанских верховых лошадей, шесть берберийских лошадей, шесть породистых кобыл и двадцать жеребят. Все они были украшены попонами тёмно-красного бархата – символа роскоши, благородства и королевского достоинства. Седла и сбруя были вышиты дорогим жемчугом. Из предметов вооружения принцу были подарены однозарядные пистолеты, арбалеты, сотня отборных шпаг. Из предметов роскоши он получил украшенные бриллиантами шпагу и кинжал. Все эти дары доставил маркиз Флорес де Авила, приближённый короля Филиппа. Герцогу Бекингеу были предназначены дары скромнее: двенадцать испанских и четыре берберийских коня, четыре кобылы и десять жеребят, покрытые попонами из тёмно-красного бархата, украшенными золотой вышивкой, несколько шпаг и ручных пушек (кулеврин), а также пояс, украшенный бриллиантами ценой в 30 000 крон²¹. Филипп IV не обделил вниманием капитана охраны принца, барона Кенсингтона, подарив ему двести бриллиантовых пуговиц, четыре лошади с упряжью, а также украшения, оцененные позднее в пятьдесят тысяч дукатов. От лица королевы Карлу были подарены редкие шкуры молодых козлят, которые очень ценились и использовались для производства ценных кож, а также дорогие духи. Граф Оливарес помимо картин и богатой домашней утвари подарил Карлу три ценные нагрудные цепи.

Неясно, при каких обстоятельствах произошло «одаривание» принца, однако можно заметить, что первыми дары вручила принимающая сторона, скорее всего, ввиду того, что это были прощальные знаки внимания хозяев гостям. В завершении посольских миссий послы иностранного государства всегда удостоивались даров за свою службу от принимавшей их стороны. В данной ситуации мы видим нечто похожее: в конце своей миссии принц получил дары, достойные его высочайшей особы. Дар всегда требует ответного шага – если не преподнести что-то равное в ответ, то появляются незримые отношения подчинения, получатель оказывается в зависимости от дарителя (Мосс 2011: 253).

²¹ A collection of scarce and valuable tracts...1809. P. 542.

Возможно, посредством богатых даров Филипп IV демонстрировал символическое превосходство Испании в ходе переговоров о браке, так как принцу Карлу пришлось идти на уступки в протоколе и в содержании переговоров, но не удалось настоять на пребывании «инкогнито» и на своих условиях брака. Теперь черёд был за английским наследником. Известно, что ответные дары принц преподнёс несколько позже, что вполне соответствовало традиционному ритуалу. Одаряваемой стороне всегда требовалось время на достойный ответ.

Перед отъездом из Мадрида Карл вместе с испанским королём дважды посетили монастырь Дескальсас Реалес, основанный в 1559 г. Хуаной Австрийской. Наверняка принц Карл, как ценитель живописи, не случайно оказался в этом месте, знаменитом богатой коллекцией произведений искусства. В Испании принц приобрёл множество произведений искусства. Дважды он навещал донна Херонимо Фунес и Муньос, который считался величайшим частным коллекционером Европы. Последний подарил принцу три картины: две из них принадлежали кисти Тициана, а третья – его ученику, Хуану Фернандесу де Наваретте (Redworth 2003: 113). По большей части Карл сам выбирал произведения для своей будущей коллекции и лично оплачивал покупки.

Отъезд принца и его прощальные дары подробно описаны в заметке памфлетиста Андреса де Мендосы. В «Сообщении об отъезде из Мадрида самого прославленного принца Уэльского от 9 сентября 1623 г.»²² описано, что в последний визит в Дескальсас Реалес принца и герцога «развлекали со слезами радости», а инфанта подарила Карлу «коробочки с подарками, цветами и другими вещами, представлявшими большой интерес и обладавшими большой ценностью»²³. Принц прощался не только с королевскими особами. К нему на аудиенцию приходили послы, гранды и государственные советники, которых он благодарил за заботу и помощь во время своего пребывания в Испании.

В четверг 25 июля в семь часов утра в присутствии Государственного совета прошла официальная церемония, закреплявшая условия договора о браке. Королева и инфанта в окружении своих придворных дам и жён послов также присутствовали на этой церемонии. Принцу тогда впервые удалось пообщаться с королевой Испании без переводчика на французском языке. С инфантой разговор проходил в присутствии переводчика около получаса. Во время церемонии все английские лорды и рыцари поцеловали руки королевы и инфанты в знак прощания. После церемонии во дворце в сопровождении короля, его братьев, герцога Инфантадо, графа Оливареса, герцога Бекингема и графа Бристолья принц Карл отправился в монастырь Дескальсас Реалес. По всей видимости, именно после этой поездки он отправил свои ответные дары, так как только по-

²² A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present year, 1623 г. 1809. *A collection of scarce and valuable tracts*. Vol. 2. London. P. 540–550.

²³ Ibid. P. 543.

сле неё автору трактата стали в подробностях известны подарки, которые получили испанский король и его ближайшее окружение. Приняв дары испанского короля, английский принц вступил в символический диалог: давать – значит демонстрировать своё превосходство; получать, не возвращая или не возвращая в больших размерах – значит подчиниться и признать превосходство (Мосс 2011: 275). Принц должен был поразить испанцев своими дарами и тем самым показать силу и могущество Англии.

Карл не вручал ничего лично – дары передавали его приближённые. Филипп IV получил украшенную бриллиантами шпагу, которая считалась великолепным подарком, достойным короля. Королеве был отправлен чистый бриллиант весом в 20 карат, а также треугольный бриллиант и серьги с бриллиантами размером с плод фасоли. Эти предметы были не только дорогими, но и особенно ценными ввиду искусной ювелирной работы. Их доставил хранитель гардероба принца Карла, получив за это три тысячи крон от королевы. Инфанте получила в подарок нить жемчуга из 250 каплевидных жемчужин размером пять карат, которые отличались редкой безупречностью и совершенством, одна из жемчужин была украшена бриллиантом; серьги из жемчуга и две красивые крупные жемчужины. Дары для инфанты представлены в основном жемчужными украшениями, что, вероятно, символизировало добродетели невесты. По мнению принца, жемчужина как символ чистоты, невинности и совершенства очень подходила Марии. Брат короля дон Карлос получил кольцо с заострённым бриллиантом, а кардинал-инфант Фернандо – нагрудное украшение из топазов, бриллиантов и жемчужины, которая, по замечанию автора трактата, «могла бы восполнить отсутствие Перегрины»²⁴,²⁵. Мендоса сравнивает подаренное кардиналу-инфанту украшение с великолепием Перегрины и делает вывод о том, что подарок ничуть не уступает знаменитой жемчужине.

Граф Оливарес в подарок получил бриллиант Португальский, который «какое-то время принадлежал дону Себастьяну»²⁶. Скорее всего имеется в виду король Португалии из Ависской династии – Себастьян, который погиб в 1574 г. в ходе борьбы с маврами. Гибель юного короля привела к пресечению Ависской династии и объединению Испании и Португалии под властью Филиппа II. Подобный дар от принца Карла явно имел символический смысл: граф, фаворит

²⁴ Жемчужина Перегрин, или «блуждающая жемчужина», считалась самой крупной в мире – её вес был около 10 граммов, что составляет 50,56 карат. Она была выловлена на одном из островов Панамского канала в середине XVI в. Испанский король Филипп II получил жемчужину от дон-а Диего Темеса (Kunz, Hugh 2011: 452) и преподнёс в качестве подарка на помолвку своей невесте Марии Тюдор. Королева изображена со знаменитой жемчужиной на портрете 1554 г., написанном Антониом Мором. После смерти Марии Филипп потребовал вернуть свой подарок. Испанские королевы нередко позировали для своих парадных портретов с этой жемчужиной. Не до конца ясно, почему Андрес де Мендоса в сообщении об отъезде принца говорит об «отсутствии» жемчужины: имеется портрет королевы Маргариты Австрийской, второй жены Филиппа IV, с этим украшением, значит, жемчужина по-прежнему принадлежала Испании.

²⁵ *A collection of scarce and valuable tracts...* 1809. P. 544.

²⁶ Ibid.

Филиппа IV, оказывал большое влияние на государственные дела. Карл подарил ему бриллиант Португальский, чтобы показать одобрение перехода власти в Португалии к испанским Габсбургам. Этот подарок был инициативой Карла, так как Яков I в письме сыну и герцогу в мае 1623 г. писал, что графу Оливаресу уже отправили из Англии лошадей, собак и ястребов, и настаивал, чтобы принц не дарил Оливаресу украшений²⁷. Тем не менее Карл ослушался отца и преподнёс графу столь символический дар. За время своего пребывания в Испании принц понял, что внимание к персоне графа Оливареса необходимо для решения дел с Испанией. Семья Оливареса тоже не осталась без подарков: графиня получила великолепный крест, украшенный бриллиантами, а их дочь – Мария де Гусман – кольцо, которое оценивалось в несколько сот крон.

Принц одарил и других придворных Филиппа IV. Главные придворные дамы – герцогиня Гандия и графиня Лемос, и главные майордомы – герцог Инфантадо и граф Бенаvente, в благодарность за помощь и службу получили бриллиантовые украшения. Подобными же дарами были отмечены адмирал Кастилии Хуан Альфонсо Энрикес де Кабрера и маркиз дель Карпио. Украшения с бриллиантами получили герцог Иксар, маркиз Мондексар, духовник короля и епископ Сеговии. Кроме того, все «джентльмены двора» получили кольца с бриллиантами, а государственные советники – кольца с камнями вдвое большими по своему великолепию. Семнадцать драгоценных изделий было отправлено семнадцати придворным дамам, пажи короля получили драгоценные цепи, а охрана из лучников – четыре тысячи крон и кольцо каждому. Герцог Бекингем от себя преподнёс слугам графа Оливареса – дону Родриго де Агиару и дону Педро Аресу – два полных костюма и украшенные бриллиантами кресты. Похожие дары получили дон Хуан де Сантакрус и дон Педро де Вега. Тринадцать пажей получили цепи, иностранные послы – большие суммы денег, а тем, кто доставил лошадей в качестве подарка, были вручены деньги и цепи. Мы видим, что принц и герцог одарили всех главных лиц, имевших отношение к переговорам о браке. Приняв от испанского короля дары, принц смог достойно ответить в рамках этого символического диалога. Традиция обмена дарами была соблюдена, хотя и несколько в изменённой форме, так как принц был гостем королевского достоинства.

Ещё в письме от 10 апреля 1623 г. Яков выражал готовность отправить «флот» в Испанию, чтобы привезти обратно в Англию своего дорогого наследника и любимого фаворита. Король сообщал, что всё будет готово к маю. Поручение доставить корабли он дал Ричарду Грэхему, конюшему герцога Бекингема. В письме король упоминал шесть кораблей, из которых «Джордж» предназначался Бекингему. Несмотря на готовность флота, Яков ждал новостей от принца и герцога. Их отъезд зависел от успехов переговоров. Наконец, в письме

²⁷ *Letters of King James VI...* 1984. P. 415.

от 29 июля Карл уверил отца, что «совершенно точно к 29 августа мы начнём наше путешествие»²⁸. Соответственно, в августе король направил в Испанию флотилию.

Возвращение в Англию

В субботу 30 августа 1623 г. принц Карл и герцог Бекингем покинули Мадрид. Филипп IV и его братья, дон Карлос и дон Фернандо, проводили принца и его спутников до великолепного дворца-резиденции Филиппа II – Эскориала. Весь следующий день они провели в прогулках по этому «восьмому чуду света». Англичанам показали библиотеки, сады, монастырь, пантеон и родовой склеп. Понедельник был посвящён охоте в живописных местах близ резиденции. Король Испании не мог надолго оставить столицу, поэтому спустя несколько дней испанская сторона окончательно попрощалась со своими английскими гостями. Все англичане поцеловали руку короля, а испанские представители – руку принца. Прощания казались самыми дружескими и доброжелательными, ввиду того, что договор о браке был почти подписан. В Эскориале Карл дал письменное разрешение Филиппу IV быть его представителем во время брачной церемонии с инфантой. Брак планировали заключить через десять дней после прибытия разрешения на брак от нового Папы – Урбана VIII (Redworth 2003: 133). Документ о представительстве Филиппа был передан графу Бристолу. Король Испании был крайне заинтересован в том, чтобы англичане выполнили все условия, так как теперь имел обязательства перед Папой и выступал гарантом заключения брака. Поэтому в качестве самого прощального дара Филипп IV преподнёс принцу портрет Карла V Габсбурга кисти Тициана. Король Филипп считал, что отношения Англии и Испании предопределены исторически: Испания старалась вернуть Англию в лоно католической церкви. Матримониальный союз, подобный союзу Филиппа II и Марии Тюдор, мог повлиять на религиозную обстановку в Англии.

Но что думала об этом английская сторона?

Карла ожидало возвращение в Англию, изменившее десятилетиями выстраиваемые Яковом I отношения с Испанией. Принц вернулся к размышлениям о Пфальце и сомнительных выгодах брака с испанской инфантой для английской стороны. В Эскориале он в последний раз обсуждал с Филиппом IV возвращение Фридриху Палатината, и король ответил, что восстановление Пфальца будет его свадебным подарком принцу, то есть Филипп ничего не обещал твёрдо и уходил от ответа (Pursell 2002: 716). Испанцам перемены были невыгодны, их вполне устраивала расстановка сил, как никогда усиливавшая влияние в Европе католической церкви. По данным Бреннана Парселя, Оливарес будто бы

²⁸ *The letters, speeches...1968. P. 27.*

предлагал англичанам необычное решение Пфальцского вопроса (Pursell 2002). Фридрих должен был заплатить определённую сумму и отправить своего старшего сына на воспитание в Вену, где ему было бы дано католическое образование. По достижении совершеннолетия его восстановят в правах на Пфальц, и он женится на дочери императора: то есть Оливарес предлагал восстановить права на Пфальц не Фридриха, а его потомков. Карл же хотел восстановления власти самого Фридриха и своей сестры Елизаветы. По итогам переговоров принц Карл и герцог Бекингем окончательно перестали верить в разрешение этого вопроса с помощью испанского брака.

В день памяти апостола Матфея принц и герцог прибыли в порт Сантандер, где их ожидали сэр Джон Финетт и сэр Томас Сомерсет. Как отмечает Андрес де Мендоса, принца встречал в порту «весь флот»²⁹. 14 сентября Карл пригласил сопровождавших его испанских аристократов взойти на корабль «Принц» и полюбоваться мощным английским флотом. 18 сентября английские корабли, нагруженные испанскими дарами, отправились на родину.

5 октября 1623 г. принц и герцог вернулись в Англию с твёрдым намерением отказаться от брака, так как с его помощью не будут достигнуты цели, которые поставил перед собой Карл. Англичане встретили Карла и Бекингема с восторгом. Все были счастливы ввиду благополучного возвращения наследника престола из казавшейся им враждебной Испании без жены-католички. Англичане в массе своей не были сторонниками происпанской политики Якова, поэтому появление принца без испанской инфанты стало для них символом возвращения к прежней линии во внешней политике. В итоге «испанский брак» так и не состоялся. Принц Карл женился на французской принцессе Генриетте Марии, а испанская инфанта вышла замуж за императора Священной Римской Империи Фердинанда III.

Заключение

Изучение одного из аспектов церемониала – ритуала обмена дарами – даёт возможность проследить значимость этой традиции с точки зрения символизма репрезентации власти, который отчасти определял международное положение сторон в контексте политической культуры раннего Нового времени. С точки зрения церемониала поездки принца Карла в Мадрид «инкогнито» стала беспрецедентной; она показала, как политические стремления сторон могут быть выражены с помощью даров.

В ходе переговоров Англии и Испании имел место уникальный случай в истории политического, церемониального и символического общения двух стран. Английский принц прибыл в Испанию «инкогнито», но впоследствии его

²⁹ *A collection of scarce and valuable tracts...* 1809. P. 547.

приняли официально. Традиции испанского двора заставили вести переговоры в привычном русле, то есть церемониал восторжествовал, несмотря на желание английской стороны отказаться от него. Испанцы настояли на соблюдении классических церемоний, тем самым поддержав престиж своей державы, а также добились на переговорах более выгодных для себя условий.

Торжественный въезд в Мадрид принца Карла был обставлен так же, как при коронации испанских монархов. Однако некоторые традиционные дипломатические церемонии были видоизменены: принц жил во дворце короля, а не в отдельном посольском доме. В рамках данной работы особенно важно заметить, что при первой аудиенции стороны, имевшие сопоставимый символический статус, не обменивались дарами, так как Карл прибыл «инкогнито». Тем не менее, король Яков отправил подарки для инфанты, которые принц должен был вручать как знаки внимания в процессе ухаживаний.

В ходе переговоров по выработке условий брака английской стороне пришлось идти на уступки: обещать ослабить гонения на католиков, сохранить вероисповедания инфанты и её будущих детей, смириться с возрастающим влиянием Папы Римского. Доминирование Испании в ходе переговоров было отражено и посредством даров – испанцы оказались очень щедры. Принц был вынужден одарить испанцев так, чтобы символически остаться с ними на равных и не подчиниться их превосходству.

Испания самым дорогим и престижным подарком считала лошадей и оружие, а Англия одаривала в основном ювелирными украшениями, более легкими при транспортировке. С помощью щедрых даров англичане поддерживали свой престиж и достойно покинули Испанию. Показательно, что благодаря «политике даров» Карлу удалось установить систему не только «вертикальных», но и «горизонтальных» связей с широким кругом испанских политических деятелей и придворных, что могло быть полезно в будущем. Последовавший отказ от брака не выглядел слабостью ввиду равноправия участников переговоров. В данном случае дары выступали как средство коммуникации, индикатор влияния и могущества государств, а также как способ самопрезентации, в рамках которой стороны стремились показать себя в лучшем свете.

Об авторе:

Полина Юрьевна Кошелева – аспирантка кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: biyanova.polina@yandex.ru

Благодарности:

Автор благодарит научного руководителя доктора исторических наук, профессора кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета О.В. Дмитриеву.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

UDC 94(420+460)+327.82
Received: 02.12.2022
Accepted: 20.02.2023

Charles, the Prince of Wales at the Court of Philip IV of Spain: the «Incognito» Trip and the Problem of Exchanging Gifts

P.Yu. Kosheleva
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-29-51](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-29-51)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article studies the tradition of exchanging gifts during diplomatic negotiations for marriage using a historical reconstruction of the trip of the English Prince Charles Stuart to Madrid in 1623 to negotiate his marriage with the Spanish Infanta Maria as a crucial case. The heir to the English throne personally arrived in Madrid «incognito» to speed up the negotiations. These circumstances created problems for the Spanish side because the reception ceremony was not developed for such a case. Besides, the «incognito» trip complicated the question of exchanging gifts. Later, such trips of monarchs would become a common practice. However, this case was one of the first precedents which forced the existing ceremonial procedure of gift exchange to undergo modifications. The article focuses on functions of exchanging gifts during marriage negotiations and studies the effects of an «incognito» trip on the course of the negotiations.

The research is based on the letters of king James and his son Charles and eyewitness reports from the English and Spanish sides. The article claims that Prince Charles' trip «incognito» changed the traditional procedure of exchanging gifts: the exchange happened before the prince's departure and was initiated by the Spanish side. Nevertheless, this ritual has not lost its symbolism and significance in the rhetoric of negotiations. Gifts were used as a means of communication, an indicator of the influence of states and the way of their self-presentation.

Keywords: James I; Prince Charles; Duke of Buckingham; Philip IV; Infanta Maria; Count of Gondomar; Count of Olivares; «Spanish Match»; Madrid; travel «incognito»; exchange of official gifts; ceremonial; Spanish court

About the author:

Polina Y. Kosheleva – Postgraduate student of the Department of Medieval history, the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University. Russia, 119192, Moscow, 27-4 Lomonosovskiy Prospect. E-mail: biyanova.polina@yandex.ru

Acknowledgements:

The author thanks the scientific supervisor Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Medieval history, the Faculty of History, Moscow State University O.V. Dmitrieva.

Conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Akrigg G.P.V. 1967. *Jacobean Pageant or the Court of king James I*. New York: Atheneum.
- Anderson M.S. 1993. *The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919*. London, New York.
- Arroyo F.L. 2014. La formación de las Etiquetas Generales de Palacio en tiempos de Felipe IV: la Junta de Etiquetas, reformas y cambios en la Casa Real. *La Casa de Borgoña: la casa del rey de España*. Ed. by J.E.H. Muñoz, F.L. Arroyo. Leuven: Leuven University Press. (In Spanish)
- Barrios F. 1988. Práctica diplomática de la Corte de España. Notas a un reglamento de Ceremonial de 1717. *Revista de Estudios políticos*. №62. P. 163–183. (In Spanish)
- Bashet A. 1862. *La diplomatie venitienne*. Paris: Plon. 616 p. (In French)
- Bischoff C. 2009. Complicated Exchanges: the Handling of Authorized and Unauthorized Gifts. *The Court Historian: gift-giving in eighteenth-century courts*. Boston. 14(2). P. 133 – 148.
- Boyden J.M. 1995. *The Courtier and the King: Ruy Gómez de Silva, Philip II and the Court of Spain*. London.
- Brotton J. 2006. *The Sale of the Late King's Goods: Charles I and his Art collection*. Oxford: Pan books.
- Cuttino G.P. 1940. *English Diplomatic Administration, 1259–1339*. Oxford. 280 p.
- Domínguez Ortiz A. 1960. *Politica y Hacienda de Felipe IV*. Madrid. 659 p.
- Elliott J.H. 1963. *Imperial Spain, 1469–1716*. London: Edward Arnold publishers;
- Elliott J.H. 1987. The Court of the Spanish Habsburg: a Peculiar Institution? *Politics and culture in early modern Europe. Essays in Honor of H.G. Koenigsberger*. Ed. by P. Mack and M.C. Jacob. Cambridge.
- Evans J.A. 1953. *History of Jewelry 1100–1870*. Faber and Faber. London.
- Garcia Sierra M.J. 1994. El aposentamiento de personajes reales europeas y embajadores extraordinarios en la Corte de España en el siglo XVII. *Madrid en el contexto fe lo hispánico desde la época de los descubrimientos*. Madrid. (In Spanish)
- Goodwin R. 2015. Spain, *The Centre of the World 1519–1682*. London, New York: Bloomsbury Publishing.
- Hill D.J. 1925. *A History of Diplomacy in the International Development of Europe*. New York.
- Hofmann C. 1985. *Das Spanische hofzeremoniell von 1500-1700*. Frankfurt am Main. 315 S. (In German)
- Howell J. 1892. *Epistolae Ho-Eliaanae: The Familiar Letters of James Howell*. Vol. 1.
- Hume M. 1907. *The Court of Philip IV*. London. 569 p.
- Jansson M. 2005. Measured Reciprocity: English Ambassadorial Gift Exchange in the 17th and 18th Centuries. *Journal of Early Modern History*. 9(3-4). P. 348–370.
- Kunz G.F., Hugh C. 2011. *The Book of the Pearl: Its History, Art, Science, and Industry*. Dover publications, inc. Mineola, New York.
- La vida española en el Siglo de Oro según los extranjeros*. 1990. José María Diez Borque (ed.). Barcelona. (In Spanish)
- Lee M. 1967. The Jacobean Diplomatic Service. *The American Historical Review*. Jul. Vol. 72. P. 1264–1282.
- Mattingly G. 1955. *Renaissance Diplomacy*. Baltimore.
- Maulde-la-Claviere R. 1892–1893. *La diplomatie au temps de Machiavel*. Paris: E. Leroux. Vol. 1–3. 494 p. (In French)

- Nader H. 1988. Habsburg Ceremony in Spain: The Reality of the Myth. *Historical Reflections. Réflexions Historiques*. 15(1). P. 293–309.
- Pursell B. 2002. The End of the Spanish Match. *The Historical Journal*. 45(4). P. 699–726.
- Queller D.E. 1967. *The Office of Ambassador in the Middle Ages*. Princeton, New Jersey.
- Redworth G. 2003. *The Prince and the Infanta: The Cultural Politics of the Spanish Match*. New Haven: Yale University Press.
- Redworth G., Checa F. 1999. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500–1700. *The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500–1750*. Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co.
- Reumont A. 1867. *Della diplomazia italiana dal secolo XIII al XVI*. Firenze. 424 p. (In Italian)
- Rodríguez Villa A. 1913. *Etiquetas de la Casa de Austria*. Madrid. 264 p. (In Spanish)
- Rodríguez-Salgado M. 1991. The Court of Philip II of Spain. *Princes, patronage and nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, 1450–1650*. R.G. Asch and A.M. Birke (eds.). Oxford. P. 205–244.
- Roosen W. 1980. Early Modern Diplomatic Ceremonial: A Systems Approach. *The Journal of Modern History*. Vol. 52. P. 452–476.
- Strong R. 1966. Three Royal Jewels: the Three Brothers, the Mirror of Great Britain and the Feathe. *The Burlington Magazine*. 108(760). P. 350–353.
- The courts of Europe. Politics, patronage and royalty, 1400–1800*. 1977. Ed. by A.G. Dickens. London: Thames and Hudson.
- Valgoma y Díaz-Varela D. de la. 1958. *Norma y ceremonia de las reinas de la Casa de Austria*. Madrid. (In Spanish)
- Bojcov M.A. 2009. *Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope* [Greatness and Humility. Essays on Political Symbolism in Medieval Europe]. Moscow: Russian political encyclopedia. (In Russian)
- Domnina E.G. 2011. Ceremonial priyoma anglijskih poslov v Venecii v rannee Novoe vremya [The Ceremonial Reception of English Ambassadors in Venice in Early Modern Times]. *The Middle Ages*. Issue 72. Moscow. P. 214–224;
- Domnina E.G. 2020. *Diplomatiya v epohu peremen: Tyudory i rimskaya kuriya (1485–1558)* [Diplomacy in the Era of Change: The Tudors and the Roman Curia (1485–1558)]. Saint Petersburg, Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ.
- Ehea Fernandes M.A. 2015. *Priyom russkogo posolstva 1667–1668 gg. pri dvore Karla II: (po materialam ispanskikh arhivov)* [Reception of the Russian Embassy 1667–1668 at the Court of Charles II: (based on the materials of the Spanish archives)]. Moscow.
- Gurevich A.Ya. 1984. *Kategorii Srednevekovoj kul'tury* [The Categories of the Medieval Culture]. Moscow: Iskustvo (In Russian)
- Istoriya diplomatii* [The History of Diplomacy]. 1959. Pod red. [ed.] V.A. Zorina, V.S. Semenova, S.D. Skazkina, V.M. Hvostova. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat (In Russian)
- Moss M. 2011. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU (In Russian)
- Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope, 1000–1700 gg.* [In the Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe, 1000–1700] 2016. Pod red. [Ed.] G. Al'thofa i M. Bojcov. Moscow: Russian political encyclopedia (In Russian)
- Rossijskie diplomaty v Ispanii* [Russian Diplomats in Spain]. 2016. Ed. by O.V. Volosyuk. Moscow: International Relations. 672 p.

Vud D., Sarre Zh. 1974. *Diplomaticheskij ceremonial i protokol* [The Diplomatic Ceremonial and Protocol]. Moscow: Progress. (In Russian)

Zallet P. 1956. *Diplomaticheskaya sluzhba. Ejo istoriya i organizaciya vo Francii, Velikobritanii i Soedinyonnyh Shtatah* [Diplomatic Service: History and Organization in France, Great Britain and the United States]. Moscow.

Список литературы на русском языке:

Бойцов М.А. 2009. *Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. Москва: РОССПЭН. 550 с.

Вуд Д., Сарре Ж. 1974. *Дипломатический церемониал и протокол*. Москва: Прогресс. 445 с.

Гуревич А.Я. 1984. *Категории Средневековой культуры*. Москва: Искусство. 316 с.

Домнина Е.Г. 2011. Церемониал приёма английских послов в Венеции в раннее Новое время. *Средние века*. Вып. 72. Москва. С. 214–224;

Домнина Е.Г. 2020. *Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485-1558)*. Санкт-Петербург, Москва: Центр гуманитарных инициатив.

Заллет Р. 1956. *Дипломатическая служба. Её история и организация во Франции, Великобритании и Соединённых Штатах*. Москва.

История дипломатии. 1959. Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. Москва: Госполитиздат. 896 с.

Мосс М. 2011. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. Москва: КДУ. 413 с.

На языке даров: правила символической коммуникации в Европе, 1000 – 1700 гг. 2016. Под ред. Г. Альтхофа и М. Бойцова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 262 с.

Российские дипломаты в Испании. 2016. Отв. ред. О.В. Волосюк. Москва: Международные отношения. 672 с.

Эхеа Фернандес М.А. 2015. *Приём русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II: (по материалам испанских архивов)*. Москва.